

III. ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ДРЕВНОСТИ И СОВРЕМЕННОСТИ

УДК[39+159.922.4](571.15)''1920/1930''

Л.С. Борина

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ В 20–30-е гг. XX в.: ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ

Выделены механизмы формирования этнического самосознания народностей (этносов), сформированных в ходе национального строительства большевиков из этнически неопределенных групп Саяно-Алтая. Раскрыта роль этнонимов в формировании новой для населения этнической идентичности. Показано, что этническая идентичность населения, включенного в состав этносов, внедрялась через письменную культуру, сформированную на базе национальной письменности, национальную школу, политику коренизации, паспортную систему. Подчеркнута необходимость комплексного исследования механизмов, под влиянием которых происходил процесс формирования этнического самосознания.
Ключевые слова: этнос, этническая идентичность, этноним.

Этническое самосознание, выраженное в самоназвании (этнониме), является не только обязательным и наиболее устойчивым, но и вполне достаточным признаком этноса. Достаточность и относительная автономность этнонима, как главного признака этнического самосознания, сыграла особую роль не только в процессе формирования государством народностей (этносов) из этнически неопределенных родоплеменных групп Саяно-Алтая, но и в дальнейшем развитии административно созданных этносов на протяжении XX в.

Закрепление этнонимов за этнически аморфными группами населения стало основным механизмом конструирования этносов в советский период. Наполнение новых этнонимов содержанием велось через разработку новой истории и культуры. Новые представления внедрялись в сознание населения через письменную культуру, национальную школу, паспортную систему, средства массовой информации, научные построения.

Необходимость исследования особенностей складывания самосознания этносов, оформленных в 1920–1930-е гг., диктуется поиском ответов на вопросы, возникающие на сегодняшнем этапе их развития, включая кризис идентичности, историческое мифотворчество, поиск «настоящих» представителей этноса и т.д. К числу значимых проблем в исследовании процесса формирования этнического самосознания народов Саяно-Алтая, официально признанных в советский период в качестве этносов (народностей), относится изучение механизмов формирования новой для них – этнической – идентичности.

Этносы (в советской терминологии, «социалистические народности») на территории Саяно-Алтая оформились стремительно: еще в начале

XX в. на этой территории не было таких общностей, которые можно было бы обозначить этническими, а два десятилетия спустя появились три народности – ойроты (алтайцы), шорцы и хакасы. При этом границы консолидирующихся в ходе естественных и инициированных процессов (нарастающая русская колонизация, земельные и административные преобразования государства, приведшие к ликвидации особого статуса инородцев) этнических общностей, сложившихся на территории Саяно-Алтая к началу XX в., и границы советских народностей-этносов не совпадали. Так, в состав Ойротской автономной области были включены не только алтай-кижи (собственно алтайцы), теленгиты и телеуты (южные алтайцы), но и «северные алтайцы: челканцы, кумандинцы, тубалары, по всем этнополитическим характеристикам вплоть до языка, этногенеза, исторических взаимоотношений с Россией более тяготеющие к Шории, Хакасии, Нижней Томи» [1].

Незавершенность процесса этнической консолидации инородцев Саяно-Алтая проявлялась в широком распространении у них квазиэтнонима «татары» и отсутствии собственных единых устойчивых этнонимов [2]. Весьма показательна в этом отношении ситуация с кузнецкими татарами, объединенными в дальнейшем аллоэтнонимом «шорцы». А.В. Анохин называл группы кузнецких татар «шорцами», но отмечал, что сами шорцы себя называют различно, в зависимости от ситуации. «Если шорца спрашивает инородец же: По кижке сене – кто вы такой, то первый назовет свой род, например тайаш чоны, кобий чоны и т.д. или свое место жительства: прас чоны – мрасский, модым чоны – кондомский, тоос апсак кижки, или просто отвечает оргу кижки – верховской, алтыгы

кижи – низовской» [3. С. 53]. За пределами своей родовой территории соседям, близким в языковом и культурном отношении («своим»), шорцы представлялись на своем языке как «шор кижы» – шорец, «аба кижы» – абинец или «аба чиж кижы» – черновой абинец и т.д. Так же называли их и соседи. Телеуты кузнецких инородцев называют «шор кижы или абалар, кумандинцы и челканцы – шор кижы, а живущих в верховьях рек – йыш кижы. Южные алтайцы называют шорцев: шор кижы и аба кижы» [3. С. 53].

Наличие целой иерархии самоназваний, включающей в себя родовой уровень, территориальный и локальный, характерно для этноса с незавершенным процессом этнической консолидации. Использование кузнецкими татарами различных самоназваний для обозначения себя разным группам говорит не только о ситуативности феномена идентификации, но и о наличии достаточно четкой границы между «своими» и «чужими». При этом «своими» в разных ситуациях могли выступать разные группы: члены только своего сеока, всех соседних сеоков или все, кто говорит на близких языках. Аналогичной была ситуация и с «чужими».

Наиболее значимой самоидентификацией для аборигенов в начале XX в. являлась родовая идентификация, которую в силу наибольшей значимости использовали только для «своих». Значимость родового уровня идентификации для инородцев Горной Шории и Северного Алтая подтверждается в произведениях первого шорского писателя, уроженца сеока Шор И.М. Штыгашева «Хотя в Казани я ношу имя алтайца, но это на самом деле не так. ...Я по своему происхождению шорец» [4. С. 25]. Он считал «странным и немного даже обидным для моих соплеменников» то, что «в Кузнецке звали меня Иваном Сагайским, в Улале – Иваном Кузнецким, а теперь в Казани меня зовут Иваном Алтайцем, и хоть бы раз кто назвал меня где-нибудь Иваном Шорцем! Значит, я как шорец более не существую!» [4. С. 34]. Названия «шорец» и «алтаец» у И.М. Штыгашева не являются обозначением этнической принадлежности. В первом случае речь идет о родовой, наиболее значимой для автора, принадлежности, во втором – название, данное ему по месту проживания теми, кто был недостаточно хорошо знаком с ситуацией на Алтае.

В подтверждение того, что он «шорец», а не «алтаец», И.М. Штыгашев развернул целую систему доказательств. Главным аргументом было несоответствие территории Алтая и родовой территории сеока Шор: «Алтай имеет свои пределы и свою область, в состав которой моя родина ...не

входит... Нет, я не алтаец, так как живу далеко за пределами Алтайской области...» [4. С. 25]. Нежелание И.М. Штыгашева считаться «алтайцем» очень показательно и заставляет обратить внимание на условность термина «алтайцы» применительно к XIX – началу XX в. в отношении всех, кто проживал на территории Алтая. «Родина», «родная земля» для И.М. Штыгашева неразрывно связана с конкретным местом проживания, с родовой, точнее, номинально-родовой принадлежностью, так как род (сеок) в начале XX в. уже не был замкнутым социально-хозяйственным организмом. Между тем активно отрицаемый И. Штыгашевым в отношении себя и «своих» этноним «алтаец» закрепился в начале XX в. за этносом алтай-кижи в качестве автоэтнонима, чему способствовало распространение национальной религии алтай-кижи – бурханизма.

Ситуацию с этнической неопределенностью аборигенного населения подтверждает «путаница» с этнической принадлежностью И.М. Штыгашева, которого сегодня считают «своим» два этноса – современные шорцы и современные хакасы. И эта «путаница» не случайна: на рубеже XIX–XX вв. границы между двумя современными этносами – шорским и хакасским – оставались очень расплывчатыми, взаимно преодолимыми из-за постоянных миграций родов, отнесенных к шорцам, на территорию проживания современных хакасов. Эта «преодолимость» и взаимное тяготение хакасов и шорцев фиксируется в документах и в 1920-е гг., то есть тогда, когда уже были установлены административные границы и за разделенными народами административно закреплены разделившие их этнонимы.

Бросается в глаза не только очень быстрое оформление этносов на территории Саяно-Алтая, равно как и на остальной территории Советской России, но и исчезновение реально существовавших и ранее учитывавшихся этносов. Среди таких «исчезнувших» этносов, например, кумандинцы, лебединцы, челканцы, включенные в перепись 1926 г. как самостоятельные этносы и не встречающиеся в других советских переписях. «Исчезновение» этносов явилось результатом новой двухступенчатой процедуры учета этнической принадлежности, используемой при проведении переписей населения в советский период [5].

На практике ранее существовавшие этносы нигде не исчезли, но были включены в состав новых этносов в качестве субэтносов: кумандинцы, тубалары, челканцы, лебединцы – в состав алтайцев; сагайцы, качинцы, кызыльцы – в состав хакасов, а в состав шорцев были включены родо-

вые группы кузнецких татар, тяготевшие к алтайцам (шорские роды) и к хакасам (абинцы). В итоге ни один из новых этносов не был гомогенным образованием, но представлял собой конгломерат ранее существовавших этносов с границами, заданными административно. В качестве значимой межэтнической границы выступал этноним.

Административно созданные этносы в плане консолидации мало чем отличались от тех общностей, которые существовали на территории Саяно-Алтая в начале XX в. В рамках одного этноса сохранялось реальное многообразие языков и культур, не было осознания единства, представления об общей истории. Однако задача культурно-языковой унификации всех групп, включенных в состав новых этносов, на этом этапе государством не ставилась. Для власти гораздо важнее было решение задачи по формированию новой – этнической – идентичности, выраженной в новых этнонимах. Формирование и закрепление новой идентичности происходило под непосредственным воздействием государства через национальную письменность, национальную школу, политику коренизации аппарата, паспортную систему, средства массовой информации. Закрепление новых этнонимов сопровождалось направленным формированием представлений об общей истории и культуре. В формировании новой истории и культуры этносов внесли свой вклад научные построения и исследования. Необходимо отметить, что на сегодняшний день слабо разработана проблема влияния национальной школы, национальной интеллигенции и других акторов социального конструирования на формирование новой идентичности.

При этом мы разделяем мнение С.В. Чешко о том, что этничность, а равно и ее квинтэссенцию – этническое самосознание, нельзя сфабриковать [6. С. 11]. В основе этнического самосознания всегда лежат объективно существующие или существовавшие в прошлом признаки, которые могут быть и были актуализированы в конкретной ситуации.

Еще раз отмечу, что административно закрепленные этнонимы для ойротов, хакасов, шорцев являлись не просто главными, но в 1920–1930-е гг. единственными объединяющими признаками. И это притом, что из трех этнонимов только один, и то с известной долей условности, являлся автоэтнонимом – алтайцы (условность объясняется тем, что это автоэтноним для алтай-кижи, но не для всех этнических групп, включенных в состав алтайского этноса). Два других этнонима по своему происхождению являлись аллоэтнонимами: «шорцы» – научный термин, введенный академиком В.В. Радловым с целью классификации языков

кузнецких татар, «хакасы» – термин, закрепленный за образованным в 1923 г. национальным уездом, призванный стать символом исторической преемственности нового «хакасского» этноса и государства енисейских кыргызов.

Население чужеродность административно введенных этнонимов прекрасно осознавало. Так, на первом Татаро-шорцевском горно-районном съезде (проходил 5–9 июля 1924 г. в селе Кузедеево Кузнецкого уезда) во время обсуждения вопроса о создании национального Горно-Шорцевского района с правами и привилегиями округа делегаты-шорцы заинтересовались тем, кто такие татаро-шорцы. Один из делегатов-шорцев, а на съезде были только шорцы, обращаясь к ведущему съезд большевику З.С. Гайсину, не только попросил объяснить, почему они теперь «шорцы», но и сам объяснил, что они никогда «шорцами» не были, а были представителями своих сеоков. Шорцы – это представители только одного из сеоков [7. Л. 63]! Этот эпизод не только подтверждает родовую самоидентификацию «шорцев», но и показывает, что сами «шорцы» себя «шорцами» не считали.

Стенограмма Татаро-шорцевского съезда заслуживает внимания еще и потому, что в ней присутствует целый ряд эпизодов, которые исследователи упорно обходят своим вниманием. «Незамеченными», но чрезвычайно показательными для изучения проблемы формирования этнического самосознания народов Саяно-Алтая являются эпизоды, в которых власть в лице председательствующего З.С. Гайсина объясняет «шорцам» причину их незнания о том, что они «шорцы». Причина, по мнению представителя власти, весьма проста – царизм настолько забил трудящихся шорцев, что они сами не знают кто они такие. Шорцы были вполне удовлетворены ответом, но просили порекомендовать им книги об «этих шорцах» (подчеркнуто мной. – Л.Б.) [7. Л. 63].

Обращает на себя внимание то, что новая – этническая – идентичность достаточно быстро была принята представителями национальной элиты, включая сформированную в советский период интеллигенцию. Для национальной элиты этнический фактор являлся существенным и наиболее доступным ресурсом в определении и закреплении своего статуса и положения в обществе. При этом национальная интеллигенция не стремилась стать «русской», а свой статус и положение в обществе использовала для отстаивания и защиты интересов «своего народа», выступая перед лицом государства от имени всего этноса.

Идентификация населения для «себя» и для «своих» строилась на прежней – родовой – основе, а новые этнонимы сравнительно быстро стали использоваться для «чужих». При этом для населения смена идентичности была непростым процессом, тем более непростым, чем искусственное была конструкция. Последнее особенно справедливо для шорцев: закрепление за кузнецкими татарами аллоэтнонима «шорцы», воспринимаемого населением как обидная кличка, стало одной из причин их маргинализации.

В заключение отмечу, что формирование новых этносов в 1920–1930-е гг. зависело от воздействия объективных, субъективных, а иногда и случайных факторов и сводилось к закреплению за этнически неопределенными общностями, включенными в состав созданных национальных образований, этнонимов. Особенности процесса формирования каждого конкретного этноса определялись расстановкой сил внутри этноса, борьбой этнических элит, в том числе за право закрепить «свой» этноним за этнической общностью, степенью сохранности традиционной культуры. Формирование этнического самосознания новых этносов шло под активным и многоканальным воздей-

ствием государства. В качестве модераторов новой идентичности выступали школа, паспортная система, средства массовой информации, научные исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шерстова Л.И.* Новые идентичности в Южной Сибири [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// ashpi.asu.ru/studies/2005/shrstva.html](http://ashpi.asu.ru/studies/2005/shrstva.html)
2. *Шерстова Л.И.* Аборигены южной Сибири в контексте российской модернизации начала XX века: выбор пути реальность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hum.sbras.ru/kapital/project/modern/016.html>
3. *Анохин А.В.* Кузнецкие инородцы Томской губернии // Шорский сборник. Вып. 1: Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. Кемерово, 1994. С. 49–64.
4. *Штыгашев И.* Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеева Штыгашева. Казань, 1885.
5. *Соколовский С.* «Татарская проблема» во Всероссийской переписи населения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eawarn.ru/pub/EthnoCensus/WebHomeEthnoPerepis/ethno_census26.htm#_ftnref31
6. *Чеико С.В.* Кризис доктрины самоопределения // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 7–16.
7. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р. 480. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.